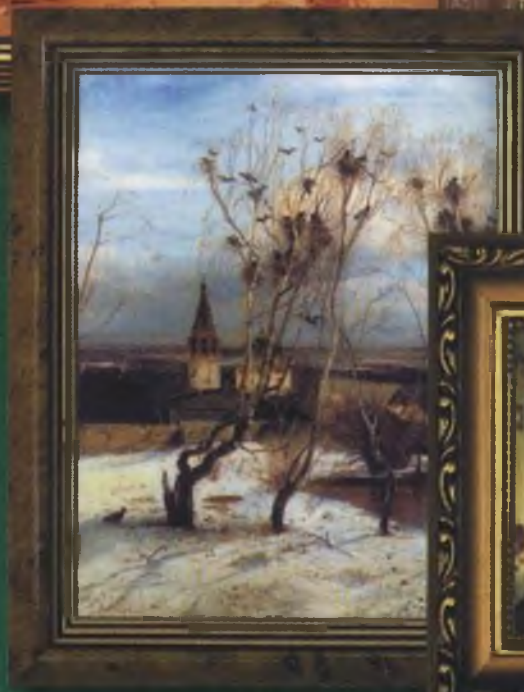

85.143(2)
Б-77

Н. БОЙКО

ИСТОРИИ ЗНАМЕНИТЫХ ПОЛОТЕН

«Сосновый бор»

Шишкина называли царем леса. За то, что знал в лесу каждую ветку и солнечное пятнышко, любил безмерно и, передавая свои впечатления на картинах, заставлял людей задуматься об истинной красоте.

Еще в юности пленили его могучие Закамские леса, спокойные, с синеватыми просеками, с птичьим пересвистом, духмяным запахом травы и хвои. Он сутками пропадал в лесу. За это доставалось от матери: парню скоро семнадцать, а у него только и забот — бумага да карандаш. Выслушивал, не переча, но при этом думал о лесе: как передать его таинство? Чтобы дышал рисунок, жил...

Однажды, когда изучал скульптуру сосновых стволов, его окликнул знакомый мужичок:

- Бездельем маешься?
- Почему бездельем? — возразил Иван.
- Труженик горб гнет, руками своими сполняет дело...
- А художник? Разве не гнет горб, разве не руками пишет картины?
- А на что ваши картины? Ими разве сыт будешь?

В чем мог убедить его Иван? Вот если бы взял кнут да принялся коров пасти — убедил бы. Но коров пасти он всегда сумеет. А если из груди рвется песня, пусть она будет спета.

Он, наконец, сказал родителям:

- Я уезжаю.
- Куда, если не секрет? — отец внимательно посмотрел на сына.
- В Москву. Учиться.
- И чему ж ты надумал учиться?
- Художеству.

Мать обхватила голову руками, запричитала:

- Господи, да где ж это видано, чтоб из купецкого сословия в художники?
- Отец вдруг встал, шагнул к окну и долго стоял, отвернувшись.

«Если и он не поддержит меня... — подумал Иван. — Нет! Никто не может за меня решать, никто».

- Пусть едет, — сказал отец.

Иван распрощался с родными. Возок катился с пригорка на пригорок по широкой равнине, качались по сторонам от дороги спелые хлеба, и то ли брели, как вечные странники, то ли стояли дозорными богатырские сосны. Так и запомнился Ивану отчий край, дорогое сердцу Прикамье: соснами под чистым небом среди хлебов.

Сосновый бор. 1872

В Московском художественном училище Иван Шишкин серьезно занялся изучением природы, много работал, о его упорстве сочинялись легенды — он мог сделать за одну неделю столько, сколько иной и за месяц не сделает. И первые же рисунки принесли ему успех. Они ходили по рукам, ими «зачитывались до дыр».

А жилось Ивану в ту пору, как и большинству его товарищей, нелегко, безденежье бывало частым. Отец почти не помогал, его купеческие дела шли плохо. Но письма от отца приходили бодрые: талантливый и неутомимый он был человек.

«Хочется восстановить башню в Елабуге, на Чертовом городище. Там когда-то был город Гелон. Булгары построили. Войны были извечные, люди не могут без войн, хоть по крови все, должно быть, братья — от одного корня идут. Персидский царь Дарий неподалеку скифов разбил, зимовал в Гелоне, а весной, как только просохло, сжег город дотла и ушел... Силу свою показывал. Но разве в этом сила? Построить город, вот где сила нужна. А разрушить — это ведь просто...»

Время шло. Рос в Иване Шишкине дар живописца. Все чаще мечталось ему о Петербурге, об Академии. Друзья отговаривали: питерские академики не благоволят москвичам. Но Иван был уверен в себе. Зимой 1856 года он отправился в путь. В Академии представил к экзаменам несколько рисунков и пейзажей, и сразу за один из них ему присудили малую серебряную медаль, первую в его жизни награду. На вручение награды требовалось явиться во фраке и в белых перчатках. Шишкин отказался.

— Я рисую без перчаток. Отчего же награду за свою работу должен получать в перчатках да еще белых? — и не пошел.

Но это не испортило его отношений с Академией, хотя некоторым профессорам дерзость Шишкина не понравилась.

Работал Иван неутомимо, его пейзажи выставлялись уже в Москве и Петербурге, а за один из них он получил золотую медаль и право на заграничную поездку.

— Зачем мне за граница? — отбивался Шишкин. — Во мне все русское!

Однако Академия настаивала, и он обратился с просьбой в Совет: разрешить ему несколько месяцев провести в Елабуге, где он не был два года. Его просьба была удовлетворена.

Ехал через Казань. Опять видел родные до боли Закамские леса, раскинувшиеся на многие километры, высокое чистое небо. И когда поднялся на высокий пригорок, с которого открывался вид на Елабугу, так разволновался и обрадовался, что не мог усидеть, соскочил с повозки и побежал по траве.

Он — дома! Его любят и окружают заботой — долгожданный сын! И отнесется к нему с величайшим почтением — художник!

Все дни он пропадал теперь в окрестностях Елабуги, рисовал. Сосны, сосны, сосны! Лесные богатыри! Да он и сам богатырь.

— Здравствуй, батюшка! — поздоровалась с ним старуха в сюртуке, в истертом до блеска цилиндре.

Старуху звали Надеждой Андреевной Дуровой, но сама она давно отвыкла от своего имени и называла себя — Александров. Ей шел восьмой десяток, но память ее была светла, она помнила свою жизнь до мельчайших подробностей. О, что это была за жизнь! Несколько месяцев от роду мать выбросила ее из окна кареты. Гусары подняли окровавленного ребенка и отдали подскакавшему отцу. С тех пор седло стало для нее колыбелью. Сорвиголовой росла девочка! В юном возрасте вступила в казачий полк, присвоив себе мужское имя, став корнетом Александровым. Дралась с наполеоновскими войсками, имела честь быть ординарцем фельдмаршала Кутузова. В отставку вышла в чине штабс-ротмистра и написала записки о своей полной приключений жизни. Пушкин их самолично подготовил и опубликовал в «Современнике».

— Что, рисуешь, батюшка? — спросила старушонка. Последние годы она жила в Елабуге в маленьком домике, кишевшем собаками и кошками.

— Сосны. Хочется повести людей за руку в леса, чтобы увидели, как хо-рош мир!

День был сухой и теплый. Золотистой смолой сочились стволы, кукова-ла кукушка, суля долгую жизнь. Старуха посмотрела вокруг, затем перенес-ла взгляд на этюд Ивана: краски, смешиваясь, густыми и буйными мазками лежали на холсте.

— Восхищен! — с чувством призналась Надежда Андреевна. — Вы остав-ляете потомкам незабвенный образ Родины! Да, да! Любовь к ней и веру в ее будущее.

Дурова ушла, не желая отвлекать художника. Глядя ей вслед, Шишкин подумал, что могучий дух земли русской не иссякнет, пока есть вот такие хрупкие женщины с душой, высеченной из кремня.

Поездку за границу он все откладывал. Работалось дома хорошо. Рассуж-дал: «Для работ французу нужна Франция, русскому — Россия».

Только весной следующего года он выехал в Германию — дальше тянуть было некуда.

Как предполагал, так и вышло: разочарования на чужбине следовали одно за другим. Шишкин искал хоть что-нибудь дорогое сердцу, — напрасно. В картинных галереях видел он пейзажи холодные или слишком красивые, к тому же они были ему известны по репродукциям. «Мы о загранице знаем все, — с горечью думал он, — а заграница о нас почти ничего не знает. Поче-му? Чем наша жизнь, наша живопись хуже?»

Однажды, сидя в таверне за кружкой пива, заметил, как за соседним сто-ликом компания подвыпивших немцев с насмешкой поглядывает на него и что-то такое мерзкое говорит о России. Шишкин кое-как уже умел изъяснять-ся по-немецки, однако сделал вид, что разговор соседей его не касается. А те не унимались. Тогда он подошел к их столику, ткнул себя пальцем в грудь: «Я русский. Их бин руссиш. Уразумели? Прошу прекратить!» В ответ хохот, издевательские реплики: «О, руссиш крафтменш! О! Ха-ха-ха!» Иван молча взял одного из насмешников за ворот и поставил перед собой. «Ты что, не понял? Я русский!»

Остальные, опрокидывая стулья, бросились на выручку.

Иван прошелся медведем, расчищая себе дорогу к выходу. Оказавшись на улице, он дал волю кулакам, поработав ими в полную силушку. И по не-чаянности зацепил совсем некстати подвернувшегося полицейского. На дру-гой день Шишкина вызвали в участок. Явились пострадавшие. С опаской про-ходя мимо Шишкина, отводили глаза. «Ого! — подумал он невесело. — Их, оказывается, было семеро!» Полицейский начальник тоже удивился, недовер-

чиво спросил: «Вас было семеро? А он один?» И расхохотался. Шишкина оштрафовали на 50 гульденов. «Это не за них, — указал начальник участка на семерых пострадавших, — это за нашего полицейского. Надо знать, господин Шишкин, кого бить...»

Едва дождавшись весны, Иван Иванович уехал в Швейцарию. Но и там ловил себя на мысли, что, находясь среди неопишуемой красоты, он все время ищет что-нибудь схожее с тем, что дорого и близко ему, — то ли солнечные Закамские сосны, то ли заросшие подорожником и конотопом широкие дали.

Но вот, наконец: «О, Боже мой, я в России, я дома!»

Шишкин пишет сосновый бор, да такой, «чтобы всяк, кто на картину глянет, понял, какая это радость — жить, ходить по родной земле, дышать полной грудью!» Всю нежность, все переполненное чувствами сердце свое вложил он в «Сосновый бор» — тончайший поэтический пейзаж — песню сыновней любви к своей отчизне.